

www.volsu.ru

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.1.1>

УДК 811.161.1'23

ББК 81.411.2-006

МЕНЯЮЩАЯСЯ КАРТИНА МИРА В ДИНАМИКЕ ЯЗЫКА И РЕЧИ

Шаховский Виктор Иванович

Доктор филологических наук,
профессор кафедры языкознания,
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
voxlingua@vspu.ru
просп. Ленина, 27, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье приводятся аргументы, подтверждающие справедливость основного тезиса гипотезы лингвистической относительности Сепира – Уорфа о том, что язык не только отражает особенности культуры, но и определяет видение мира его носителями. Динамика российской действительности актуализирует новые аспекты картины мира, которые требуют порождения соответствующих средств выражения и способов ведения коммуникации. Появляющиеся в речи лингвистические знаки и доминирующие тенденции их использования, в свою очередь, формируют картину мира современного социума, отражая взаимосвязь слова и сознания.

Анализ обширного речевого и языкового материала позволил выявить динамические процессы в современном языке и речи: изменения в языке в связи с новыми реалиями нашего времени; актуализацию и переосмысление существующих знаков языка; спиралевидное развитие языка и его речевого использования; «растягивание» семантики языковых единиц; творческое обогащение языка; формирование механизмов искажения и разоблачения в современном русском языке и речи. На материале лексики русского языка и примерах коммуникативной практики последних лет автор демонстрирует наличие динамики в лексико-семантическом наполнении существующих и возникающих дискурсов.

Ключевые слова: динамика языка, языковой знак, картина мира, языковая игра, меняющаяся коммуникация, языковая и речевая норма, эмоциональное воздействие.

Главная функция языка не репрезентирующая, а конституирующая.

*Л. Витгенштейн*¹

1. О времени судят по словам. В лингвистике давно обсуждается положение о том, что структура языка определяет структуру национального сознания. Известная всем лингвистам теория Э. Сепира и Б. Уорфа утверждает, что язык творит реальность и даже в определенной степени «навязывает» картину мира его носителям. В советском языкознании в течение продолжительного времени гипотеза лингвистической относительности подавалась критически, что было обусловлено идеологическим подходом к научным теориям. Утверждалось, что теоретические положения Э. Сепира и Б. Уорфа, показывая прямую связь между строением языков и картиной мира, объемом знаний его носителей, научно обосновывают превосходство одной нации над другой в зависимости от качества языка народа, а диалекты и просторечие и вовсе являются формами неразвитого языка, которые отражают соответствующую способность говорящих мыслить и поддерживать общение [14]. Дискуссии по поводу теории лингвистической относительности продолжают, однако в мировой лингвистике сегодня уже нет сомнений: язык не просто отражает факты и события действительности, он является средством их интерпретации, позволяющим конструировать определенную ее модель в сознании людей.

Л. Витгенштейн уже давно высказывал мнение о том, что главной функцией языка является не репрезентирующая, а конституирующая: язык не просто отражает действительность и называет ее реалии, он задает координаты восприятия мира для каждого индивидуума, для всего общества или его части по-разному [1]. На любом языке с большей или меньшей степенью точности можно выразить и передать любую мысль и любую эмоцию. Но языковое обозначение всегда избирательно, пристрастно: оно отражает те аспекты увиденного, которые актуальны для данного народа, в данное время, в определенных типах ситуаций [2]. Положение с эмоциями еще более сложное, так как в разных язы-

ках (в силу национально-культурной специфики стереотипов, гештальтов и ассоциаций) возможности для передачи коннотативных оттенков различны, что порождает межкультурные эмотивные лакуны и трудности в переводе художественной литературы и официальных документов [19, с. 138].

Тезис о том, что язык сам по себе способен создавать реальность, активно обсуждаемый в науке о языке, антропологии и социологии, часто сводится к тому, что, изменив словарь, можно изменить мир. Именно поэтому возникают предложения изъять (чаще всего в идеологических целях) некоторые слова из обращения или заменить их другими: эвфемизмами, вежливыми синонимами, знаками политкорректности, коммуникативными и политическими субститутами (см., например, «новояз» в романах Дж. Оруэлла «1984» и В. Войновича «Москва 2042»). Современными политиками также не раз высказывались предложения убрать из современного лексикона «неприятные», «опороченные», «испорченные» слова: *реформа, перестройка, проект, план, коммунист, демократия, новое мышление* и др. С этой целью данные слова подменяются другими: *оптимизация, перезагрузка, дорожная карта* и др. [13, с. 143–150; 21]. Перенос смысловых акцентов в обозначениях понятий и реалий позволяет создавать видимость иного, приблизительного [4], но благополучного мира, а пропаганде с помощью новых обозначений и при помощи приема сбитого фокуса восприятия действительности удается убедить всех, кто читает и говорит на данном языке, в реальности конституируемой картины мира.

2. Динамика языка и мира в словарях. Последние столетия развития мира, несомненно, оказали заметное влияние на систему всех языков. Что касается русского языка, то с начала XX в. он подвергся частичным орфографическим и значительным лексическим изменениям. Сегодня мы не располагаем полной статистикой появления неологизмов в русском языке, так как перестали выходить в свет регулярно издаваемые ранее словарные материалы «Новое в русской лексике» под ред. Н.З. Котеловой. Русская лексика и фразеология последних десятилетий XX в., зафиксированная в словарях новых слов

и значений, сегодня уже является историческим материалом (см., например: НСиЗ, ТСЯС, Haudressy). Так, словарь Д. Одресси, вышедший в Париже в 1992 г., отразил события 1991 г. в России (Haudressy). «Толковый словарь языка Совдепии» зафиксировал для будущих поколений такие, например, лексемы, как *андроповка* (водка), *анекдотчик* (лицо, отбывающее срок за рассказ анекдотов, признанных следователем контрреволюционными или антисоветскими), *белоземigrant* (человек, эмигрировавший из Советского государства в первые годы его существования, обычно враждебно настроенный по отношению к советской власти), *«Березка»* (валютный магазин), *вертушка* (прямая телефонная связь с вышестоящими партийно-правительственными организациями), *гертруд(ка)* (от герой / героиня труда), *мешочничество* (скупка, перевоз и спекулятивная продажа дефицитных товаров), *совдеп*, *ОБХСС*, *Народный Контроль* и др. (ТСЯС). Некоторые представители взрослого населения России все еще продолжают пользоваться «своей», советской лексикой, и она в определенных кругах все еще понятна, в то время как для молодого поколения это terra incognita: (см. названия врачей-специалистов: *ушник*, *кожник / кожный доктор*, *глазник*, *зубник* и т. п.). Проследить языковые изменения можно и анализируя словари архаизмов, в том числе вышедшие в последние десятилетия.

Динамические процессы в лексике современного русского языка отражены в толковых словарях, фиксирующих изменения конца XX в. (ТСРЯ XX) и начала XXI в. (ТСРЯ XXI), появление новых и выделение актуальных слов, отразивших существенные языковые процессы последних десятилетий, оказавших влияние на развитие русского языка и формирование языкового сознания наших современников.

В отечественной и зарубежной лексикографии лексико-семантические изменения, происходящие в современном русском языке, время от времени фиксируются в словарях-справочниках, представленных в Интернете онлайн. Особый интерес, на наш взгляд, представляет «Динамический он-лайн словарь неологизмов русского языка» (ДОСНРЯ), в который вошли такие лексемы, как *аватар*,

айфон, *геймер*, *гуглить*, *волкособ*, *расширивать* (разводить кого-либо на что-либо) и т. п., и который своими данными подтверждает тезис о тесной взаимосвязи русского языка и общества, о «живости» языка, рефлексирующего происходящие изменения в меняющемся мире русскоязычного пространства.

Тесная связь между языком и жизнью общества объясняет и особенности меняющейся коммуникации в меняющемся российском мире. С этой точки зрения особый коммуникологический интерес представляет семантический словарь Харпера (Harper), в котором впервые в лексикографической практике приведена статистика использования одного и того же английского слова в разных значениях в речи трех поколений представителей англоязычной культурной общности. Данный словарь убедительно доказывает, что наиболее подвижна под влиянием социальных процессов семантическая система языка: одна и та же форма под воздействием общества начинает не просто варьировать свое содержание, но изменять его по разным основаниям, связанным и не связанным семантической мотивировкой. Словарь Харпера не имеет аналогов в мировой лексикографической практике. По нашему мнению, это идеальный фиксатор семантических вариантов лексических единиц, сосуществующих в языке и отражающих видение мира трех поколений говорящих на нем в течение одного века. Данный словарь наиболее ярко демонстрирует известный тезис прагматики о том, что семантика слов находится не в словаре, а в головах говорящих. Именно поэтому люди не могут понимать друг друга полностью: в сознании говорящих всегда остается семантический люфт в виде когнитивного и эмоционального диссонансов разного объема, особенно заметный в общении между представителями разных поколений даже одной языковой общности. Словарь Харпера представляет в процентном соотношении различные значения одного и того же слова, которые устанавливаются экспертами, представляющими разные сферы жизни англоязычного общества. Ими проводятся опросы носителей языка разных возрастных групп и определяется, в каком значении они используют

те или иные единицы в обиходной речи и профессиональной деятельности, как они воспринимают то или иное слово в письменной и устной форме, при общении с представителями других возрастных групп.

Все эксперты подчеркивают, что, например, слово *bug*, которое первоначально имело значение ‘insect’ (букашка, жук), в последние десятилетия в разных сферах и стилях употребления изменило свою семантику: ‘to irritate and electronic device installed in some flat or office to watch the speech behavior to register compromising against some person’. Компонент ‘to irritate’ встречается в письменной речи у 29 %, а в разговорной речи у 83 % опрошенных. Модификация значения слова *bug* с компонентом ‘to install technical device to overhear or over watch the suspects’ в письменной речи встречается у 43 %, а в разговорной речи у 84 % опрошенных. При этом стилистические и коннотативные оттенки этих двух модификаций варьируются в речи представителей различных групп носителей языка: *bug* в значении ‘to irritate’ для одних имеет юмористический стилистический оттенок, у представителей другой группы вызывает сильную степень недовольства и возмущения, для третьих – это просто коллоквиальное слово или единица сленга, которая может быть употреблена в неформальном общении. В официальной речи реализация коллоквиального варианта слова *bug*, по мнению людей старшего возраста, нежелательна. Помимо этого, форма *bug* используется с такими коннотациями, как ‘to disturb, upset’ и произносится с агрессивной интонацией, например, в вопросе «*What's bugging him, I wonder?*».

Из словаря Харпера заинтересованный читатель может узнать много нового и о появившемся значении этой звуковой формы: «подслушка», «подслушивать» – с помощью аудио- / видеозучков, установленных (в том числе и незаконно) в офисах, квартирах. Действительно, еще лет десять назад мы только догадывались, что нас подслушивают, но Эдвард Сноуден раскрыл всему миру, что каждый человек находится под «колпаком» у спецслужб. Теперь всем известно, что мобильные телефоны являются своеобразными коммутаторами и постоянно «шпионят» за нами. Они не только передают

тексты, но и сообщают о нашем местонахождении, то есть день и ночь нас предают. Людями старшего поколения слова *bug – to bug* в таком значении воспринимаются как неестественные и даже дикие; среднее поколение полностью принимает и постоянно использует его в речи, а субтильному поколению освоение всех значений этих единиц предстоит в недалеком будущем. Все то, что говорилось выше о слове *bug*, указывает на динамику его значения, которую можно охарактеризовать как «растягивание семантики» (semantic stretching).

3. Меняющаяся действительность и динамика языка. На протяжении последних 20–30 лет и особенно до падения «железного занавеса», когда русский язык развивался только внутри своей социокультурной общности, его динамика определялась преимущественно действительностью советского социума. После падения «железного занавеса», с появлением и широким распространением Интернета, а также активизацией межкультурных контактов, в том числе и между лингвистами (межкультурные мосты, народная дипломатия, бурный международный туризм и глобализация), изменения в языке стали зависеть и от других социумов. Языковые изменения приобрели глобальный характер [7].

В ряду событий российской действительности выделим такие, которые стали известны многим, получили свое наименование, вербальную рефлексию, а потом комментирование в различных СМИ: досрочное освобождение Ходорковского из тюрьмы, победа Ройзмана в Екатеринбурге, панк-молебен («двушечка»), события в Пугачево и Бирюлево, протестные акции художника-акциониста Петра Павленского, арест экологической экспедиции экипажа корабля «Arctic Sunrise», подавление оппозиции, эмиграция молодежи (реальная и потенциальная), вульгарное поведение В. Жириновского в Госдуме, в телепередачах на всех телеканалах и на радиостанциях страны; возвращение Крыма; расследование дела Минобороны; домашние аресты Н. Васильевой, А. Навального, В. Евтушенкова; музыкальный клип Н. Васильевой «Тапочки»; ежедневный заработок миллиардера И. Сечина; диссернет и С. Пархоменко; плагиаторные научные диссертации министров и депутатов; запреты ми-

тингов и демонстраций; смена губернаторов (в том числе в Волгограде); теракты в Волгограде, Московском метро, Дагестане, Грозном, взрыв Невского экспресса, взрывы на шахтах; пожар в ночном клубе «Хромая лошадь»; Олимпиада в Сочи; вопрос о разрешении ношения оружия; наводнение на Дальнем Востоке; феномен Д. Киселева на российском телеканале; авиакатастрофа малазийского «бординга» над Донбассом; интриги вокруг возникновения ЛНР и ДНР; «закон Димы Яковлева»; тандем; Болотный протест; Болотное дело; посмертное преследование С. Магницкого; Хамовнический суд Москвы; уголовное дело Pussy Riot; депутаты-дебоширы в авиаполетах; золотой пистолет депутата; золотые унитаза Януковича; роскошь патриарха Кирилла; «эффективность» вузов; акция протеста врачей в Москве; серийные убийства на автодорогах в Подмосковье; фото президента России на одежде и предметах быта; разорение турфирм; изгнание редакции телеканала «Дождь» с Арбата; сити-менеджеры-воры; финансовый кризис; санкции; вирус Эбола; смерть Б. Березовского; отзыв лицензий на осуществление банковских операций; закон о запрете мата в общественных местах; убийства журналистов; убийство Б. Немцова в центре Москвы; создание центров патриотического воспитания и др.

Вербализация этого далеко не полного перечня актуальных для нашего общества событий и фактов последних нескольких лет, а также их комментирование в СМИ с использованием новых и переосмысленных речем (подробнее см. ниже, а также [16]) формируют с помощью семиотических кодов современную картину российской действительности. В связи с увеличением эмоциогенных факторов в жизни современного человека учеными установлена прямая зависимость между дискурсивным событием и мгновенной реакцией человека на него в форме новых словосочетаний, слов или переосмысления их семантики.

Разумеется, наиболее значимым событием последнего времени является ситуация на Украине, в связи с чем появился и так называемый «украинский» дискурс по поводу политических действий, которые затронули всю мировую общественность и нарушили стабильный миропорядок. Язык, как «дух наро-

да» и «живой организм» (В. фон Гумбольдт, Л. Вайсгербер), также «переживает» эти события и реагирует на них. С ноября 2013 г. по настоящее время в русскоязычных текстах отмечено большое количество лексико-семантических новшеств, среди которых назовем следующие новообразования: *гденукович, национальная гвардия, казачьи патрули, украинские силовики и каратели, вежливые люди, зеленые человечки без шевронов, ДНР, ЛНР, Новороссия, уходящая натура, праздничный торт к 8 Марта (о Крыме), Крым наш, гуманитарный конвой, Правый сектор, Евромайдан, майданутый, майданюк, размайданить, майданная власть, мягкая сила, смысловики, 300 белых Кразов (гуманитарная помощь), тайные захоронения, мари пленных в Донбассе, бандеровцы, откормить, политический гурман, информационная война, уккры, гомодиктатура, наведение/наведенный риск, телехунта, нравственное помешательство* и др. Определелись участники «украинского дискурса»: Порошенко, Яценюк, Кличко, Стрелков, Плотницкий, Захарченко и др.

Таким образом, результатом любых значимых общественных процессов является изменяющаяся картина мира, преобразующаяся языковая семиотика, а следовательно, и трансформации в человеческом общении, которое, по данным многочисленных исследований социологов, психологов, лингвистов, в последнее время стало значительно более агрессивным и деструктивным.

4. Меняющийся язык изменившегося мира. Древние говорили: «Все течет, все изменяется», «Движение – это жизнь». Слово *динамика* – синоним слова *движение*, поэтому динамические процессы в языке – это свидетельство его жизни. Но изменения в развивающемся языке не происходят революционно или по указу, по реформе, а являются эволюционными, идущими параллельно с жизнью человека и социума.

В XX и начале XXI в. произошли большие изменения в мире, который уже можно назвать новейшим миром. Появление компьютеров, мобильных телефонов, сотовой связи, кабельного и цифрового телевидения, Wi-Fi, сенсорных устройств, новых видов вооружения, адронного коллайдера, новых

средств передвижения, новых государств, полеты на Луну и на Марс и многое другое – все это прогрессивные достижения техники, научные открытия, получившие в том числе и нобелевское признание. Но все они полифункциональны или как минимум амбивалентны. Вспомним изобретение атомной энергии, с одной стороны, это мощный двигатель технического прогресса, а с другой – смертоносное оружие. Интернет заполнен как полезной, так и вредной для человека информацией. Выражение отношения к фактам нашей жизни вызывает активную языковую рефлексию и семиотизацию новых контекстуальных понятий. Процессы их концептуализации, лексикализации, семантизации и ресемантизации фиксируют плюсы и минусы называемых явлений.

Отсюда обилие специальных слов и терминологии в обыденной речи современного носителя языка, обилие иностранных заимствований как следствия планетарной глобализации человеческого общения, изменения в структуре и в словарном составе языка, а также в его стилистике и особенностях функционирования. Существенные изменения наблюдаются в таких сферах языкового функционирования, как Интернет, спорт, здравоохранение, политика и др., и происходят за счет активизации иноязычных заимствований, варваризмов, ксенолексики.

В интернет-дискурсе последнего десятилетия закрепились следующие терминопонятия: *пост, перепостить, перепост, ретвит, ретвитнуть, личка, аккаунт, биткоин, хакеры, социальные сети, баннер, забанить, веб-сервис / страница / сайт, гиф / флеш-анимация, домен, джпег, медиабанг, плагин, провайдер, репост, чатиться, профиль, перезагрузка, скрипт, трафик сайта, кэш, кейвордс, копипаст, тайтл, тошнота текста, встречный текст, банщик, дизайнер, зак, имхо коп от копирайтер, модер от модератор, морда, муравьи, пиктура, реврайт, аватар, бан, блог, блоггер, блогиня, виджет, гаджет, дистрибутив, Wi-Fi, дорвеи, инстаграм, лайк, лайкнуть, лайкбище, демотиватор, селфи, селфимарафон, лифтолук, рунет, спам, торрент, файервол, флуд, тег, вики, куки, фотосессия, жаба, фотошоп, трейлер, сабдж,*

оффтопик. Многие из интернет-терминов регулярно воспроизводятся не только в речи специалистов, но и в журналистских текстах, в обыденной речи молодежи, некоторые из них уже перекочевали в другие дискурсы, что говорит об их популярности и коммуникативной значимости. Например, в политическом дискурсе используется технический термин *перезагрузка*, в экономическом – компьютерные термины *хакер, fishing* в значении «воровство банковских карт» и др.

В сфере медицинского дискурса появились новые номены, которые обусловлены не только внутримедицинскими нуждами, но и фактами российской и инокультурной действительности. Среди них названия новых болезней, препаратов для их лечения, медицинских инструментов, действий и технологий, используемые за пределами медицинского общения: *глюкометр, инсулиновая помпа, лихорадка Эбола, птичий грипп, свиной грипп, атипичная пневмония, инсулин длительного действия, инсулин короткого действия, криоэкстрактор, криомедицина, криотерапия, ЭКО* и др. [8].

Из инноваций спортивного дискурса приведем следующие примеры: *женский футбол, спорт для инвалидов, Евроспорт, Паралимпиада, футбэг, черлидинг, фризби, паркур, хоккеры, хэдис, айскартинг, сноукайтинг, брумбол, скидзоринг, велолыжи, буер, айс-клайминг, женские прыжки на лыжах с трамплина, лыжный хафпайп, биатлон, руфер.*

В экономическом дискурсе, по нашим данным, появились такие разговорные неологизмы, лексические и концептуальные окказионализмы, как *логистика, тендер, паркомат, мани-пулятор, кошмарить бизнес, добротлет, капитализация счастья, лондримат* (анг. *laundrymat* – «банк, отмывающий грязные деньги»), *полет / падение / закат рубля, психологический рубеж рубля / доллара, банк-регулятор, хакеры-грабители, импортзамещение, черные риелторы, игроки на рынке, налоговые каникулы для малого бизнеса, пилить / распиливать бюджетные деньги, черный вторник, улучшайзинг, дорожная карта, таможенный союз* и др.

Значительное влияние на социум стремится оказывать Русская православная цер-

ковь. Хотя, в соответствии с Конституцией РФ, церковь отделена от государства, православная церковь сегодня значительно сблизилась с госструктурами: вносит законопроекты в Думу, влияет на ход судебных процессов (дело «Pussy Riot»), внедряется в школьное и вузовское образование, активно участвует в телевизионных и радиопередачах, ведет свои блоги в Интернете, имеет свои сайты и бизнес, вмешивается в театральную и филармоническую деятельность артистов. Это позволило выделить в качестве активного пласта современной коммуникации православный дискурс и его знаки, функционирующие в современных СМИ: *религиоведение, закон Божий, православные активисты / патрули / радикалы, пуссирайт, панк-молебен, враги православия, увольнение протоиерея Кураева из Синода, администрация митрополита, святобесие, религархия, хиджаб, религиозные комиссары, православные рублевцы, сакральность, сакральный* и др.

Как показывают приведенные примеры, главными движителями лексической динамики языка и речи являются социальные и политические изменения в мире и стране. Они не могут не рефлексироваться в обществе рационально и не переживаться эмоционально, поэтому не менее значимыми процессами в современном языке становятся выражение отношения к отражаемым событиям и их вербальная рефлексия, опосредованная компрессией, тензиональностью (напряженностью), эмоциональностью, экспрессивностью.

В русском языке последнего времени появился целый ряд новообразований, основанных на конверсии, телескопии, инфиксации, активизировалась игра языком и с языком: *премьезидент, майданить, майданюк, майданутый, эскиморс, депардировать, kiss and ride, газпода, пехтинг, расслабухать, печалька, печеньице / печенюшка, интеллигены, трендить, автостерва, министрва, креакл, жритель, инобуквица, первопрохладец, друже- / вражестранец, экспертизерша, ходорки, антиязык, неопатия, бухло, бабосы (бабло), лампочки Анатолича, город от ума, научная проститня* и др. [15].

Данные словообразовательные «новинки» являются востребованными, не случайно

в сети Интернет регулярно проводятся конкурсы на самое остроумное слово года (СГ). В подаче любой информации наблюдается явная спаянность эмоций и мыслей, поэтому порой бывает трудно различить обман чувств и промах рассудка, особенно при условии искренности как отправителя информации, так и ее получателя. Коммуникативный потенциал окказиональных единиц объясняется социальным и политическим потенциалом стоящих за этими знаками новых реалий нашей жизни и рефлексамми коммуникантов.

Динамика языка затрагивает единицы разных его уровней, различные составляющие его системы, проявляется в речи, в системе ее инноваций, в эмотивном и когнитивном содержании коммуникации, становится объектом обсуждения в лингвистике и эколингвистике.

5. Динамика смыслов. Теория дискурса утверждает, что смыслы имеют дискурсивную природу и зависят от того, какой мир доминирует в голове человека в данной коммуникативной ситуации.

Наиболее ярко эта особенность выделяется О.И. Матяш, которая замечает, что «мое Я постоянно изменяется в зависимости от разговора с другим» [9, с. 58], тем более от общения с авторитетными источниками, реальными партнерами и виртуальными коммуникантами интернет-общения. Такое изменение может полностью переконструировать субъективный мир человека, и тот начинает существовать одновременно в нескольких мирах: объективном, виртуальном-1 (мир интернет-сети), виртуальном-2 (индивидуальный, кажущийся). В научный обиход недавно введено понятие еще одного мира – мира лингвистической реальности [5], который тоже может участвовать в смыслообразовании, как, например, участвует в нашей жизни телевизионная реальность, благодаря которой, по данным официальных опросов, 70 % населения страны довольны своей жизнью, а 30 % молодежи просто счастливы вопреки объективному ухудшению жизни. Именно этим разнообразием реальностей объясняется трудность ориентирования человека в смысловом пространстве языка и речи, поскольку это требует от него внутреннего саморецензирования и критического осмысления получаемой из массмедиа и Интернета информации.

Конкретика смыслов формируется в общении, поэтому очень важно знать, каково это общение: информационное, в котором человек узнает факты без их оценки, или пропагандистское, в котором все пронизано оценками, в большинстве случаев тесно переплетенными с импликацией и провоцируемой ассоциацией, обязательно субъективно воздействующими в заданном (спланированном) смысловом векторе. В связи с этим разграничиваются тексты-сообщения и тексты-мнения.

Коммуникация – это больше, чем передача информации, ибо она включает и ассоциативные связи адресата, и его эмоции, и реализацию всех его компетентностей. В речи каждое слово тысячами нитей связано с другими словами. Именно поэтому одна и та же информация у разных адресатов вызывает различные, иногда прямо противоположные восприятие и рефлексию. Важно и то, на какое сознание ложится сообщаемая информация, какой эмоциональный индекс и личностный дейксис активизируется [15]. Все перечисленное формирует у адресатов разные эмоционально-смысловые поля, которые никогда не совпадают и, естественно, способствуют возникновению разных вербальных и невербальных реакций. Такое несовпадение смысловых полей порой вызывает противодействие коммуникантов друг другу, а для его снятия существует пропаганда – изоциренная методика выравнивания различных эмоционально-смысловых полей (в том числе с использованием тактик манипулирования сознанием).

Как показывает анализ приведенных нами новых единиц медийного, политического, спортивного и других дискурсов, психологическая призма восприятия мира человеком говорящим во многих случаях становится определяющей в понимании смыслов, кодируемых языком. По сообщению одного из выпусков немецкой газеты «Süddeutsche Zeitung», британские лингвисты из Бристольского университета, проанализировав английскую литературу XX в., пришли к выводу о том, что общественные умонастроения и политическая обстановка в различные времена по-разному отражаются не только в значениях, но и в самом выборе слов. Как говорится в статье, ученым удалось установить, что к концу XX в.

в литературе «снизились» почти все из шести категорий эмоции (гнев, антипатия, радость, удивление и печаль), кроме страха. Изучив материал свыше пяти миллионов книг, исследователи обнаружили, что наибольшее число слов, означающих радость, представлено в произведениях 1920-х и 1960-х годов. В качестве вывода можно констатировать, что частота появления в тексте слов с позитивным или негативным значением колеблется в зависимости от того, были ли написаны книги во времена социальной беззаботности или же в беспокойные годы. В силу происходящих в современном мире локальных кризисов и войн, в силу бесконечных и бесчисленных природных, технических, политических, экономических катаклизмов все более и более возрастает их негативное эмоциональное воздействие на психику человека, вводящее его в «шизореальность» [11], что не может не оказывать влияния на семиотику языка и, соответственно, на речевое поведение его носителей.

Приведенные выше многочисленные примеры указывают на то, что прагматическая составляющая и этико-эстетическое наполнение речи как системы возможностей конструирования реальности реализуются в конкретных коммуникативных ситуациях. И тогда язык не только отражает общественную жизнь, но и творит ее [16].

6. Круговорот тоже движение. Круговорот в природе – это движение: сменяются времена года, вода превращается в снег, лед или пар, меняется климат на Земле, происходят изменения с человеком, который является частью природы.

Двигается вперед и наука о языке – одна лингвистическая парадигма сменяет другую: сравнительно-историческое языкознание, дескриптивная лингвистика, структурная лингвистика, сопоставительное и контрастивное языкознание, антропоцентрическая лингвистика – это далеко не полный перечень парадигм в изучении языка. Развитие науки о языке и расширение ее объекта становится причиной возникновения «сдвоенных» наук: психолингвистики, социолингвистики, текстолингвистики, лингвострановедения, лингвокультурологии, лингвопрагматики, лингвистики эмоций и др. Такая научная динамика в сфере лингвистики объясняется не только расширением иссле-

довательской тематики, но и выдвиганием на передний план все новых и новых аспектов изучения языковых и речевых явлений, в связи с чем недавно от дуальных объединений наука перешла к триадным. Примером может служить объединение экологии, валеологии, лингвистики эмоций и рождение нового направления в науке – эмотивной лингвоэкологии [3; 20]. Наука после структурной изоляции вновь стремится к целостности, объект лингвистики укрупняется и интегрирует существующие отрасли знания, учитывая все новые факторы, влияющие на развитие человеческого языка и речи.

Лингвистическая динамика наблюдается и в системах выработанных норм, где наметился явный поворот от точности и строгости предписаний к их «смягчению» и толерантности. Точность слов сегодня перестает восприниматься как ценность. Известен случай, когда Хиллари Клинтон предложила перезагрузку американо-российских отношений и переводчики ничтоже сумняшеся вывели на экран телевизионного канала латинскими буквами *peregruzka* – слово, которое, как известно, несет совсем другой смысл. Была ли это игра с языком или намеренное, провокационное искажение? Не вызывают удивления конструкции устной речи, которые постепенно переходят в письменные тексты и литературный язык: *я тебя наберу, у меня деньги на телефоне закончились, на интернет кину, я тебе на почту скину* и т. п. Грамматические изменения заметны в нормах порядка слов в предложении, в использовании грамматических окончаний. В устных средствах массовой информации участились оговорки, сбивы, нарушения порядка слов, в письменных – опечатки, грамматические ошибки. Под влиянием английского языка и его американского варианта в русской речи изменились интонационный рисунок (особенно это заметно в речи некоторых дикторов ЦТВ) и скорость говорения, появилась повышенная экспрессия [6; 12]. Толерантность к неточностям изменяет и размывает языковые нормы. Так, фонетическими искажениями запестрел русский язык в устах известнейших людей, уже *черное кофе, дбговор* претендуют на нормативное употребление. Это не нововведение, а хорошо забытая старая норма. Подобные движения в сфе-

ре норм знаменитый писатель М. Веллер в своем выступлении на радиостанции «Эхо Москвы» пародировал, постоянно произнося с иронией: *писателЯ, писателЯ, писателЯ*.

В современной коммуникации наблюдается стремление завести машину времени и вернуть некоторые штампы советской журналистики. В связи с этим мы можем говорить о спиралевидной траектории происходящих в языке изменений. Недавние историзмы актуализируются и переходят в активный лексикон носителей языка: *народное ополчение / ополченцы, сепаратисты, военное положение, эскалация конфликта, националисты, фашисты, пятая колонна, политзаключенные, политический журналист, аннексия, страна-агрессор, агрессия, добровольцы, милитаризм*. Возвращаются недавние приобретения, временно ушедшие в запас, и специальные понятия, постепенно закрепляющиеся в медийном дискурсе и нашей речи: *террористы, национальная идея, император / царь, империя, гуманитарный коридор, двойные стандарты, санкции, ВДНХ, ГТО, школьные сочинения, студенческие отряды, телепузики* (о политиках на экранах ТВ), *консенсус, начальная военная подготовка*. Активно идут процессы переименования географических объектов.

Менее заметной стала дифференциация между официальным и обиходным стилями: в речи государственных чиновников, дипломатов, политиков фигурируют разговорные мотивы, аффективы (нецензурная лексика). Мат вообще перешагнул порог приличия, этики, речевой нормы и вошел в различные сферы функционирования русского языка [18]. Происходит смешение жанров текстов как в устной, так и в письменной речи и развитие их форм: появились рецензия-статья, письмо президенту (А. Минкин), «Stand Up» (а отсюда обозначения – *стендаперы, стендаперный, по-стендаперовски*).

И это только самые заметные процессы отхода от существующих и выработки новых канонов общения. Так в плавильном тигле современной действительности рождаются новые правила и новая логика речи, а в круговерти современной коммуникации формируются новые нормы языка.

7. Креативное осмысление действительности или разоблачительная функция языка? Динамика языка заключается не только в изменении его лексики, грамматики, фонетики, но и в форматах функционирования. Значительное место в современном языковом функционировании занимает языковая игра, активизирующая все ресурсы языка. В современном русском языке последнего десятилетия появились и стали активно употребляться такие новые и известные слова и композиты, индивидуальные метафоры, неологизмы: *смысловики, распространители слов, клиповое мышление, редиска недели, совок СМИ, ампутация совести, протез чести, говорящие головы, пропагондоны, психологическая призма человека, трендить, эходром, мяустилл, пусточатиться, хирургическое невмешательство, двуногая саранча, креативный центр пропаганды, густые джунгли вранья* (что напоминает «Джельсамино в стране лжецов». – В. Ш.), *встречный текст, фейк, инфотеймент, деза, православные активисты, православный патруль, генная память, национальная идея, духовные скрепы, внешний лексикон, этофон, налоговая / дачная амнистия, обманка, импортозамещения, улучшайзинг, драйв, принуждение к миру / войне, криминальный интернационал, камера хранения* (детсад по израильскому образцу), *трезвое опьянение, коррупция-опарыши, алмазный прапорщик, день опричника, тихая / тайная амнистия / награда, взбесившийся принтер, внезапный миллионер, бабосы, злобро, адорай, имидж России, враги России* (внешние и внутренние), *внешние вызовы, волонтеры, ручное управление, этническая преступность, троллинг, анти-террористическая операция, карательная операция, коллективный Навальный, сити-менеджер* и др.

Наиболее плодотворным это творчество является в «украинском» дискурсе. По сути, этот дискурс и его креатемы перевернули и в определенной степени дестабилизировали старый миропорядок, подтвердив тезис эмотиологии о том, что не только ситуация порождает эмоции, но и эмоции порождают и развивают ситуацию: от восторгов Майдана к ужасам Евромайдана, а от

него к патриотическим лозунгам Национальной гвардии и народного ополчения, к горю беженцев из Украины и агрессии пропаганды, возникновению ДНР и ЛНР, обвинениям в сепаратизме, попыткам создать Новороссию и др. Что это: игра с языком или разоблачение реальности?

В СМИ последних десятилетий стало нормой давать различную, порой противоречивую, в разных дозировках информацию об одном и том же событии / факте, в связи с чем публикуемые сведения давно перестали быть информацией, а стали актами пропаганды. Ученые не раз уже отмечали, что в журналистском дискурсе часто происходит подмена понятий: *оптимизация* вместо *сокращение штата, зарплаты* и т. п.; *государство* вместо *правительство, власть*; *дорожная карта* вместо *программа, проект, план* и т. п. Все это подтверждает наш тезис о том, что современный человек далеко не *homo sapiens*, а *homo sentiens* [17] и что в лексической системе языка отражаются не только реалии нашего времени, но и особенности нашего сознания. Не случайно, опасаясь разоблачительного потенциала языка, в середине октября 2014 г. в Госдуме серьезно заговорили о необходимости сокращения негативной информации в российских СМИ, которая портит имидж России за рубежом. Были приняты так называемые «запретительные» законы, касающиеся не только защиты от информации, но и закрытия множества СМИ, приравнивания интернет-пространства (текстов блоггеров) к СМИ и др.

Лингвистам давно известно, что на уровне коммуникации каждый прав, поэтому важным становится определить, кто и как правду или неправду высказывает, а также кто и как ее понимает.

Выводы. Проблема взаимодействия языка и общества продолжает оставаться актуальной для теоретического языкознания и всех его современных парадигм, поскольку изменения в обществе постоянно требуют номинации, комментирования и оценивания, что проявляется в языке: в его семиотическом коде, в функционировании его подсистем. Фактор динамики коммуникативных запросов общества стимулирует не только прямое отражение реалий нашего времени в

языке и словарях, но и преобразование лексического фонда в результате переосмысления фактов реальности, их оценочной асимметрии, эмоциональной переработки, семантического растягивания, спиралевидного возврата векторов развития языка, его творческого обогащения.

Процессы динамики современного языка и речевой практики обострены, чувствительны, они представляют особые риски для современного русского языка, потому что он все сильнее зависит от негативных дискурсов и позволяет транслировать порожденные в них единицы в другие дискурсы. Вербальная рефлексия позволяет закреплять в знаках все смысловые преобразования и актуальные новшества современной жизни человека. Благодаря механизмам саморегуляции русский язык, мы уверены, справится с этой тензиональностью, а вот с новым качеством аксиологического поля справиться ему значительно труднее.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: [1, с. 81].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Витгенштейн, Л. *Философские исследования* / Л. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – М. : Прогресс, 1985. – С. 79–128.
2. Гак, В. Г. *Языковые преобразования* / В. Г. Гак. – М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1998. – 768 с.
3. Ионова, С. В. К вопросу о признаках экологичности текстовой коммуникации / С. В. Ионова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2011. – № 1 (13). – С. 82–90.
4. Ионова, С. В. *Языковая приближенность как условие эффективной коммуникации* / С. В. Ионова // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов : материалы Второй Междунар. конф., г. Волгоград, 24–26 апр. 2007 г. В 2 т. Т. 1. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. – С. 770–775.
5. Карпухина, В. Н. *Конструирование лингвистической реальности при смене семиотического кода культуры* : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Карпухина Виктория Николаевна. – Пермь, 2013. – 44 с.
6. Кронгауз, М. А. *Русский язык на грани нервного срыва* / М. А. Кронгауз. – М. : Знак : Яз. слав. культур, 2008. – 232 с.
7. Леонтович, О. А. *Введение в межкультурную коммуникацию* / О. А. Леонтович. – М. : Гнозис, 2007. – 368 с.
8. Маджаева, С. И. *Медицинские терминосистемы: становление, развитие, функционирование (на материале предметных областей медицины «сахарный диабет» и «СПИД»)* / С. И. Маджаева. – Астрахань : Изд-во АГМА, 2012. – 277 с.
9. *Межличностная коммуникация: теория и жизнь* / О. И. Матяш [и др.]. – СПб. : Речь, 2011. – 560 с.
10. Минкин, А. В. *Человек цитирующий* / А. В. Минкин // *Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике* : сб. науч. тр., посвящ. 75-летию проф. В. И. Шаховского. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2013. – С. 142–153.
11. Руднев, В. П. *Введение в шизореальность* / В. П. Руднев. – М. : Аграф, 2010. – 224 с.
12. Сиротинина, О. Б. *Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски* / О. Б. Сиротинина. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2013. – 116 с.
13. Сковородников, А. П. К философским основаниям предметной области эколингвистики / А. П. Сковородников // *Экология языка и коммуникативная практика*. – 2014. – № 2. – С. 140–161.
14. *Теория Сепира – Уорфа* // Народы и культуры. Оксфордская иллюстрированная энциклопедия / под ред. Р. Хоггарта. – Oxford : Oxford University Press ; М. : Инфра-М : Весь Мир, 2002. – С. 65.
15. *Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике* : сб. науч. тр., посвящ. 75-летию проф. В. И. Шаховского. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2013. – 370 с.
16. Шаховский, В. И. «Золотой типун»: журналисты могли бы спасти наши уши и глаза, и души (наблюдения лингвиста за речетворчеством журналистов) / В. И. Шаховский // *Журналистика и культура* : сб. науч. ст. I Междунар. науч.-практ. конф., г. Пенза, дек. 2014 г. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. – С. 116–123.
17. Шаховский, В. И. *Лингвистическая теория эмоций* / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.
18. Шаховский, В. И. *Мат как коммуникативная «приправа» (в аспекте эмотивной лингвоэкологии)* / В. И. Шаховский // *Экология русского языка* : материалы II Междунар. науч. конф., г. Пенза, 29 апр. 2011 г. – Пенза : Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского, 2011. – С. 79–92.
19. Шаховский, В. И. *О переводимости эмотивных смыслов художественного текста* / В. И. Шаховский // *Перевод и коммуникация* / отв. ред. А. Д. Швейцер, Н. К. Рябцева, А. П. Василевич. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1997. – С. 138–152.
20. *Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве* / науч. ред. проф. В. И. Шаховский. – Волгоград : Перемена, 2013. – 450 с.

21. Klaus, G. Die Macht des Wortes. Ein erkenntnistheoretisch-pragmatisches Traktat. 4. Aufl. / G. Klaus. – Berlin : VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1968. – 199 S.

СЛОВАРИ

Глинкина – Иллюстрированный словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII–XIX веков / сост. Л. А. Глинкина. – Оренбург : Оренбург. кн. изд-во, 1998. – 280 с.

ДОСНРЯ – Динамический он-лайн словарь неологизмов русского языка «Кузница». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://oleg.syntacon.spb.ru/> (дата обращения: 10.10.2014). – Загл. с экрана.

НСИЗ – Новые слова и значения. Словарь-справочник: 1972–1976 гг. – М. : Рус. яз., 1984. – 540 с.

СГ – Эпштейн, М. Я. Слово года-2013. Главные итоги / М. Я. Эпштейн. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.snob.ru/profile/27356/blog/69362> (дата обращения: 24.08.2014). – Загл. с экрана.

СКИИТ – Словарь компьютерных и интернет-терминов. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://freedvice.ru/dictionary.php> (дата обращения: 09.08.2014). – Загл. с экрана.

СНИС – Словарь незнакомых интернет-слов. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.openclass.ru/node/27297> (дата обращения: 09.08.2014). – Загл. с экрана.

Сомов – Сомов, В. П. Словарь редких и забытых слов / В. П. Сомов. – М. : ВЛАДОС, 1996. – 764 с.

СТИ – Словарь терминов интернета. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://prt56.ru/slovar-terminov-interneta/> (дата обращения: 09.08.2014). – Загл. с экрана.

ТСРЯ XX – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складневской. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.

ТСРЯ XXI – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Г. Н. Складневская [и др.]. – М. : Эксмо, 2008. – 1136 с.

ТСЯС – Мокиенко, В. М. Толковый словарь языка Совдепии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : Фолио-Пресс, 1998. – 701 с.

Harper – Morris, W. Harper Dictionary of Contemporary Usage / W. Morris, M. Morris. – N. Y. ; Cambridge ; Philadelphia : Harper & Row, 1985. – 641 p.

Haudressy – Haudressy, D. Les Mutation de la langue russe. Ces mots qui disent de l'actualité / D. Haudressy. – P. : Institut d'études slaves, 1992. – 269 p.

REFERENCES

1. Vitgenshteyn L. Filosofskie issledovaniya [Philosophical Investigations]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. XVI* [New Ideas in Foreign Linguistics. Iss. 16]. Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 79-128.

2. Gak V.G. *Yazykovye preobrazovaniya* [Language Transformations]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., 1998. 768 p.

3. Ionova S.V. K voprosu o priznakakh ekologichnosti tekstovoy kommunikatsii [On the Features of the Ecological Compatibility of Textual Communication]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2011, no. 1 (13), pp. 82-90.

4. Ionova S.V. Yazykovaya priblizitel'nost kak uslovie effektivnoy kommunikatsii [Linguistic Approximation as a Condition of Successful Communication]. *Russkaya slovesnost v kontekste sovremennykh integratsionnykh protsessov: materialy Vtoroy Mezhdunarodnoy konferentsii, g. Volgograd, 24-26 aprelya 2007 g. V 2 t. T.1.* [Russian Philology in the Context of Contemporary Integration Processes. Proceedings of the Second International Conference, Volgograd, April 24-26, 2007. In 2 vols. Vol. 1]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2007, pp. 770-775.

5. Karpukhina V.N. *Konstruirovaniye lingvisticheskoy realnosti pri smene semioticheskogo koda kultury: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [The Construction of Linguistic Reality in Case of the Change of Cultural Semiotic Code. Dr. philol. sci. abs. diss.]. Perm, 2013. 44 p.

6. Krongauz M.A. *Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva* [The Russian Language is on the Edge of Nervous Breakdown]. Moscow, Znak, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., 2008. 232 p.

7. Leontovich O.A. *Vvedeniye v mezhkulturnuyu kommunikatsiyu* [Introduction to the Intercultural Communication]. Moscow, Gnozis Publ., 2007. 368 p.

8. Madzhaeva S.I. *Meditsinskie terminosistemy: stanovleniye, razvitiye, funktsionirovaniye (na materiale predmetnykh oblastey meditsiny "sakharnyy diabet" i "SPID")* [Medical Terminological Systems: Formation, Development, Functioning (Based on the Subject Areas of Medicine – Diabetes and AIDS)]. Astrakhan, Izd-vo AGMA, 2012. 277 p.

9. Matyash O.I., et al. *Mezhlichnostnaya kommunikatsiya: teoriya i zhizn* [Interpersonal Communication: Theory and Life]. Saint Petersburg, Rech Publ., 2011. 560 p.

10. Minkin A.V. Chelovek tsitiruyushchiy [A Citing Person]. *Chelovek v kommunikatsii: ot kategorizatsii emotsiy k emotivnoy lingvistike* [A Person in Communication: From Categorization of

Emotions to Emotive Linguistics]. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izd-vo, 2013, pp. 142-153.

11. Rudnev V.P. *Vvedenie v shizorealnost* [Introduction to Schizophrenic Reality]. Moscow, Agraf Publ., 2010. 224 p.

12. Sirotinina O.B. *Russkiy yazyk: sistema, uzus i sozdavaemye imi riski* [The Russian Language: System, Usage and the Risks Created by Them]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo un-ta, 2013. 116 p.

13. Skovorodnikov A.P. K filosofskim osnovaniyam predmetnoy oblasti ekolingvistiki [On the Philosophical Foundations of the Subject Sphere of Ecolinguistics]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, 2014, no. 2, pp. 140-161.

14. Teoriya Sepira-Uorfa [Sapir-Wharf Theory]. Hoggart R., ed. *Narody i kultury. Oksfordskaya illyustrirovannaya entsiklopediya* [Peoples and Cultures. Oxford Illustrated Encyclopedia]. Oxford, Oxford University Press; Moscow, Infra-M Publ., Ves Mir Publ., 2002, p. 65.

15. *Chelovek v kommunikatsii: ot kategorizatsii emotsiy k emotivnoy lingvistike: sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyy 75-letiyu prof. V.I. Shakhovskogo* [A Person in Communication: From Categorization of Emotions to Emotive Linguistics. Collected Academic Works Devoted to the 75th Anniversary of Professor V.I. Shakhovsky]. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izd-vo, 2013. 370 p.

16. Shakhovskiy V.I. "Zolotoy tipun": zhurnalisty mogli by spasti nashi ushi i glaza, i dushi (nablyudeniya lingvista za rechetvorchestvom zhurnalistov) ["Golden Pip": Journalists Could Have Saved Our Ears, Eyes and Souls (the Observations of a Linguist Over the Communicative Creative Work of Journalists)]. *Zhurnalistika i kultura: sbornik nauchnykh statey I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, g. Penza, dek. 2014* [Journalism and Culture: Collected Papers of the 1st International Research and Practice Conference, Penza, Dec. 2014]. Penza, Izd-vo PGU, 2014, pp. 116-123.

17. Shakhovskiy V.I. *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* [The Linguistic Theory of Emotions]. Moscow, Gnozis Publ., 2008. 416 p.

18. Shakhovskiy V.I. Mat kak kommunikativnaya "priprava" (v aspekte emotivnoy lingvoekologii) [Obscene Language as Communicative "Seasoning" (in the Context of Emotive Linguistic Ecology)]. *Ekologiya russkogo yazyka: materialy II Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, g. Penza, 29 aprelya 2011 g.* [The Ecology of the Russian Language. Proceedings of the 2nd International Academic Conference, Penza, April 29, 2011]. Penza, Izd-vo Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo un-ta im. V.G. Belinskogo, 2011, pp. 79-92.

19. Shakhovskiy V.I. O perevodimosti emotivnykh smyslov khudozhestvennogo teksta [On the Translatability of Emotive Meanings of a Literary

Text]. Shveytser A.D., Ryabtseva N.K., Vasilevich A.P., eds. *Perevod i kommunikatsiya* [Translation and Communication]. Moscow, In-t yazykoznaniya RAN Publ., 1997, pp. 138-152.

20. Shakhovskiy V.I., ed. *Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve* [Emotive Linguistic Ecology in Contemporary Communicative Space]. Volgograd, Peremena Publ., 2013. 450 p.

21. Klaus G. Die Macht des Wortes [The Power of Words]. *Ein erkenntnistheoretisch-pragmatisches Traktat. 4. Aufl* [Epistemological and Pragmatic Treatise 4]. Berlin, VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1968. 199 p.

DICTIONARIES

Glinkina L.A. *Illyustrirovannyy slovar zabytykh i trudnykh slov iz proizvedeniy russkoy literatury XVIII-XIX vekov* [Illustrated Dictionary of Forgotten and Difficult Words From the Russian Literature of the 18-19th Centuries]. Orenburg, Orenburgskoe knizhnoe izd-vo, 1998. 280 p.

Dinamicheskiy on-layn slovar neologizmov russkogo yazyka "Kuznitsa" [Dynamic Online Dictionary of Neologisms of the Russian Language "Forge"]. Available at: <http://oleg.syntacon.spb.ru/> (accessed October 10, 2014).

Novye slova i znacheniya. Slovar-spravochnik: 1972-1976 gg. [New Words and Their Meanings: Reference Dictionary: 1972-1976]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1984. 540 p.

Epshteyn M.Ya. *Slovo goda-2013. Glavnye itogi* [The Word of 2013. The Main Results]. Available at: <http://www.snob.ru/profile/27356/blog/69362> (accessed August 24, 2014).

Slovar kompyuternykh i internet-terminov [The Dictionary of Computer and Internet Terms]. Available at: <http://freeadvice.ru/dictionary.php> (accessed August 9, 2014).

Slovar neznakomykh internet-slov [Dictionary of Unknown Internet Words]. Available at: <http://www.openclass.ru/node/27297> (accessed August 9, 2014).

Somov V.P. *Slovar redkikh i zabytykh slov* [Dictionary of Rare and Forgotten Words]. Moscow, VLADOS Publ., 1996. 764 p.

Slovar terminov interneta [Dictionary of Internet Terms]. Available at: <http://prt56.ru/slovar-terminov-interneta/> (accessed August 9, 2014).

Sklyarevskaya G.N., ed. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka kontsa XX veka. Yazykovye izmeneniya* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language of the End of the 20th Century. Language Changes]. Saint Petersburg, Folio-Press Publ., 1998. 700 p.

Sklyarevskaya G.N., et al. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka nachala XXI veka. Aktualnaya*

leksika [The Explanatory Dictionary of the Russian Language of the Early 21st Century: Active Lexicon]. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 1136 p.

Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Tolkovyy slovar yazyka Sovdepii* [The Explanatory Dictionary of the Language of the Sovdepiya Epoch]. Moscow, Folio-Press Publ., 1998. 701 p.

Morris W., Morris M. *Harper Dictionary of Contemporary Usage*. 2nd ed. New York, Cambridge, Philadelphia, Harper & Row, 1985. 641 p.

Haudressy D. *Les Mutation de la langue russe. Ces mots qui disent de l'actualité* [The Mutation of the Russian Language. These Are Words Which Speak on the Actuality]. Paris, Institut d'études slaves, 1992. 269 p.

ALTERATIONS IN THE WORLDVIEW AND THE DYNAMICS OF LANGUAGE AND SPEECH PRACTICE

Shakhovskiy Viktor Ivanovich

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Department of Linguistics,
Volgograd State Socio-Pedagogical University
voxlingua@vspu.ru
Prosp. Lenina, 27, 400066 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article puts forth argumentation that fully conforms with the Sapir-Whorf hypothesis on linguistic relativity according to which the structure of a language reflects not only peculiar features of some culture but also determines the general worldview (its conceptualization). Any changes of one part influence others, thus defining the dynamic character of the Russian worldview and its conceptualization in the language and signs of the present-day communication. The dynamics of the Russian reality actualizes the new worldview aspects which require the emergence of corresponding expression means and communicative techniques. The language signs which appear in speech as well as the dominating tendencies of their use, form the worldview of the modern society thus eliciting the interrelation of words and consciousness.

The linguistic analysis of language units and samples of speech made it evident that the dynamic processes are associated with: language changes caused by new life reality; actual reoccurrence of language signs; spiral development of the language and its usage in speech; stretching semantics; creative enhancement; distortion and exposure in the modern Russian and its speech realizations. Alterations and the latest development in a semantic layer of already existing or newly arisen discourse are demonstrated with samples of Russian lexis and recent communicative practice.

Key words: dynamics of language, linguistic sign, worldview, wordplay, altering communication, language and speech norm, emotional impact.